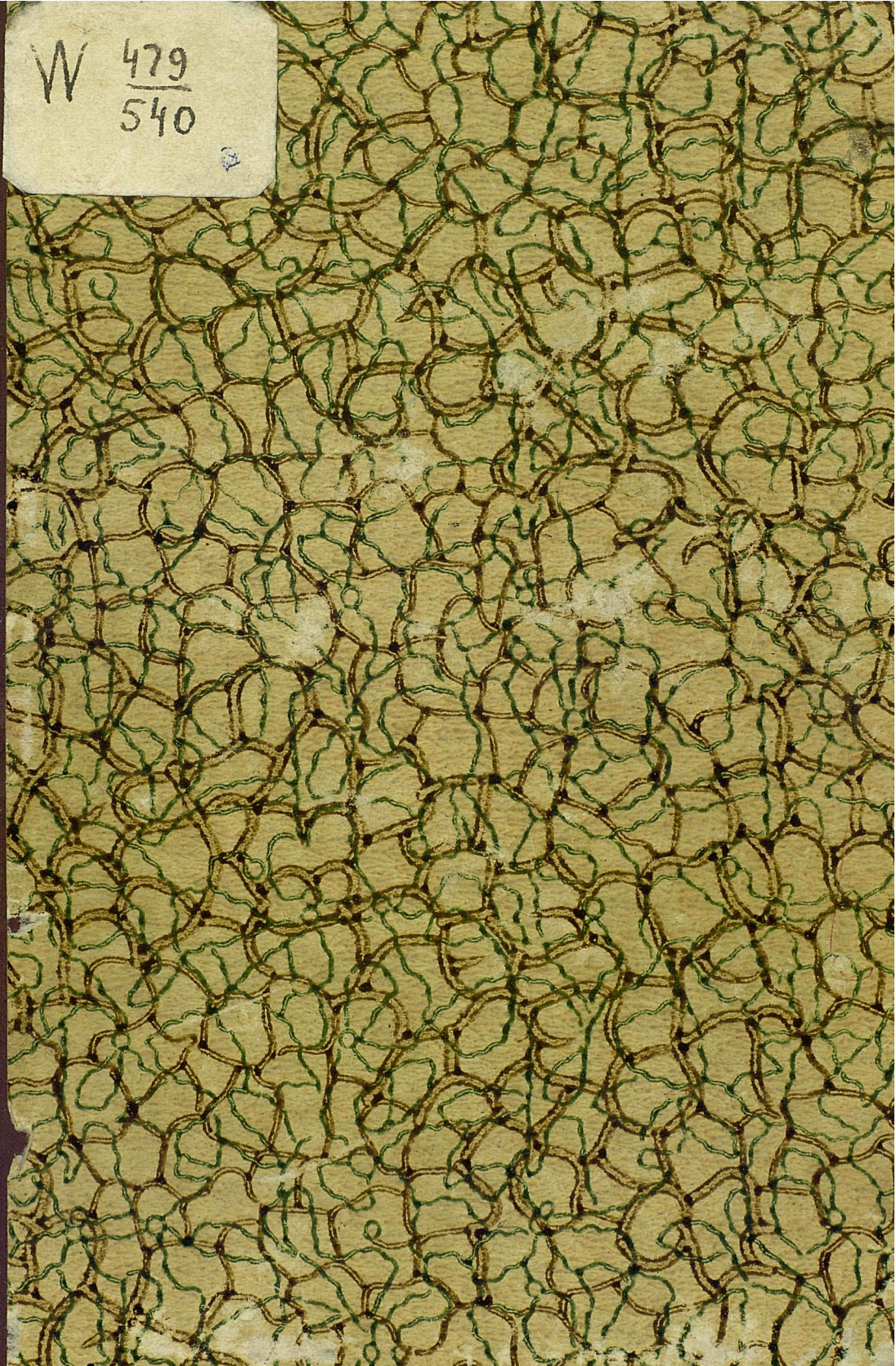

W 479
540

**ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!**

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

W 479
540

арх-81
11441

В. В. РОЗАНОВЪ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

И

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

1049
17

Л. Н. ТОЛСТОЙ

И

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

W 479

540

В. В. РОЗАНОВЪ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

И

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1912

Ф16033-35

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

2007041656

Настоящая статья была написана по просьбѣ г. редактора журнала «Revue contemporaine», — для ознакомленія съ вопросомъ о Толстомъ и Русской Церкви западно-европейскихъ читателей. Къ такому уху и уму она и принорована, — подробностями своими, тономъ своимъ, *мелочами*. Но тезисы, въ ней высказанные, суть въ точности мои тезисы. Русская Церковь въ 900-лѣтнемъ стояннн своемъ (какъ, впрочемъ, и все почти *историческое*) по истинѣ приводитъ въ смятеніе духъ: около древняго зданія ходишь и проклинаешь, ходишь и смѣешься, ходишь и восхищаешься, ходишь и восторгаешься. И не даромъ, — о, не даромъ, — Богъ послалъ Риму Катилину и Катона, Гракховъ и Кесаря... Всякая *исторія* непостижима: причина безконечной *свободы* въ ней, — и плакать и смѣяться. И какъ основательно одно, основательно и другое... Но все съ осторожностью...

Или, можетъ быть, даже безъ осторожности?

И это — *можетъ быть*. Исторія не только законечна, но и неуволима.

Статья была переведена на французскій языкъ редакціею журнала; русскій ея оригиналь печатается теперь впервые.

В. Р.

С.-Петербургъ.
25 сентября 1911 г.

Они не понимали другъ друга; даже не знали. И— разошлись. До проклятiя съ одной стороны (отлученiе Толстого отъ Церкви,* съ его впечатлѣнiемъ въ обществѣ), до полнаго пренебраженiя—съ другой (отношенiе Толстого къ Церкви). Софья Андреевна передала мнѣ на вопросъ, «какъ отнесся Толстой къ отлученiю его», что онъ «выходилъ на свою обыкновенную прогулку, когда принесли съ почты письма и газеты. Ихъ клали на столикъ въ прихожей. Толстой, разорвавъ бандероль, въ первой же газетѣ прочелъ о постановленiи Синода, отлучавшемъ его отъ Церкви. Надѣлъ, прочитавъ, шапку—и пошелъ на прогулку. Впечатлѣнiя никакаго не было».

Потомъ, можетъ быть,— было впечатлѣнiе, но какъ послѣдующая волна *отъ его собственныхъ объ этомъ предметъ размышленiй*. Но никакакой «волны» не поднялось въ моментъ удара, и отъ самого удара.

* * *

Духовенство наше страшно не воспитано художественно, поэтически, литературно. И это не только справедливо относительно простыхъ священниковъ, но и относительно епископовъ и даже митрополитовъ. Митрополитъ Филаретъ Московскiй былъ послѣднимъ всесторонне просвѣщеннымъ и художественно раз-

витыхъ лицомъ въ составѣ русской іерархіи. Его стихотворный отвѣтъ на одно стихотвореніе Пушкина, гдѣ говорилось о безцѣльности жизни, указываетъ, что онъ былъ впечатлителенъ, и глубоко впечатлителенъ, къ поэтическому слову. Но Филаретъ былъ вообще человѣкъ исключительныхъ способностей. Чрезвычайно ученый архіепископъ Херсонскій и Одесскій Никаноръ уже писалъ профессору Н. Я. Гроту, что онъ «имѣлъ терпѣніе прочесть всего нѣсколько главъ *Анны Карениной*»: но романъ ему «показался такъ неинтересенъ, скученъ и безсодержателенъ, что онъ его бросилъ, не дочитавъ». Между тѣмъ этотъ архіеп. Никаноръ извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ, какъ первый знатокъ позитивной философіи Огюста Конта и англійскихъ его послѣдователей, написавшій самый серьезный разборъ ея. Большинство же духовенства, и высшаго и низшаго, не читало — иначе какъ случайно и въ отрывкахъ — даже «Войну и Мирь», и совершенно не имѣетъ понятія о другихъ превосходныхъ и небольшихъ произведеніяхъ Толстого. Оно такъ занято предметами своей церковной службы, вообще своею собственною «церковною исторіей», истекашею и текущею, неудовольствіями и затрудненіями въ своихъ отношеніяхъ къ свѣтской власти, отъ которой зависима, наконецъ экономическимъ своимъ обезпеченіемъ, или, вѣрнѣе, полною необезпеченностью (русскіе священники не получаютъ жалованья), что ему «не до стиховъ и прозы». Если оно что и читаетъ, то сочиненія другъ друга о разныхъ духовныхъ предметахъ; это — серьезные; менѣе серьезные читаютъ газеты и низменную бельетристику. Вообще они придаютъ значеніе жизни своей сословной, и — жизни государственной; но жизни литературной они не придаютъ никакаго значенія, «не

ставять ее ни въ какое *число*», говоря языкомъ пифагорейцевъ. Поэтому, когда вопросъ зашелъ объ отлученіи Толстого отъ Церкви, то духовенству субъективно онъ представился совершенно иначе, чѣмъ всему русскому обществу, наконецъ — чѣмъ Россіи. Для Церкви и духовенства «отлучить Толстого» значило выразить, что началъ еретичествовать и оскорблять Церковь «одинъ изъ литераторовъ, незаслуженно превознесенный, который писалъ романы изъ пустой жизни свѣтскаго общества, совершенно уже не христіанской по нравственности и быту». О Толстомъ знали только, т. е. знало духовенство, что онъ изображалъ балы, скачки, увеселенія, охоту, сраженія, — все «до духовныхъ предметовъ не относящееся». И духовенство совершенно не знало, а въ случаяхъ знанія — совершенно не понимало, тотъ огромный, волнующійся и тонкій духовный міръ, въ который Толстой проникъ съ небывалою проницательностью. Духовенство наше не только литературно не образовано, но оно и психологически не развито: и сомнѣнія, тревоги, колебанія, мученія совѣсти и ума Левина («Анна Каренина»), князя Андрея Болконскаго и Пьера Безухова («Война и Миръ»), Оленина («Казакъ»), Нехлюдова («Воскресеніе» и «Утро помѣщика») — для него просто не существовали. Все это казалось «вздоромъ и баловствомъ барской души», праздною, безъ работы и серьезнаго служебнаго долга.

Это — пониманіе одной стороны. Мы видимъ, что оно граничитъ съ полнымъ непониманіемъ.

Но и Толстой, со своей стороны, совершенно не понималъ Церкви.

Онъ зналъ Евангеліе — да.

Онъ видѣлъ темноту и корыстолюбіе духовенства. Видѣлъ его мелкую бытовую неряшливость, сказывающуюся въ мелкой боязни передъ большою властью, непрямоту въ отношеніяхъ къ богатымъ людямъ, отъ которыхъ оно экономически зависимо; и равнодушіе къ нравственному состоянію народа. Дѣйствительно, духовенство сѣумѣло приучить весь русскій народъ, до одного человѣка, къ строжайшему соблюденію постовъ; но оно ни малѣйше не приучило, а слѣдовательно и *не старалось приучить*, русскихъ темныхъ людей къ исполнительности и аккуратности въ работѣ, къ исполненію семейныхъ и общественныхъ обязанностей, къ добросовѣстности въ денежныхъ расчетахъ, къ правдивости со старшими и сильными, къ трезвости. Вообще не научило народъ, деревни и села, *упорядоченной и трудолюбивой, трезвой жизни*. Это имѣло страшно тяжелыя послѣдствія. Бывали случаи въ Россіи, что темный человѣкъ зарѣжетъ на дорогѣ путника; обшаривая его карманы, найдетъ въ нихъ колбасу; тогда онъ ни за что не откуситъ отъ нея куска, если даже очень голоденъ, если убійство случилось въ постный день, когда церковью запрещено употребленіе мяса. Это — ужасный случай, но онъ дѣйствителенъ. Толстой вывелъ это во «Власти тьмы», гдѣ даже убиваютъ новорожденнаго ребенка, — но *предварительно надвѣз на него крестъ*, т. е. приобщивъ его къ составу вѣрующихъ, введя въ Церковь. Въ Россіи есть много *святыхъ людей*: и гораздо рѣже попадаетъ просто *честный, трудолюбивый человѣкъ, сознательный въ своемъ долѣ и совѣстливый въ обязанностяхъ*.

Это—общее несчастіе Россіи. Сколько въ обществѣ и печати ни говорили объ этомъ духовенству, оно было исторически глухо къ этимъ словамъ. Оно не за-

мѣчало, не чувствовало укоровъ. Таковъ *духъ* и *исторія* русской Церкви и русскаго духовенства: а извѣстно каждому изъ личной жизни, какъ трудно сознать, почувствовать и исправить специфическіе личные недостатки и пороки. Такимъ образомъ этотъ страшный проступокъ духовенства есть, однако-же, проявленіе только общечеловѣческой, міровой слабости, безволія, безсознательности. Всѣ — таковы: только *мы* и *лично* «таковы» въ отношеніи другихъ слабостей и пороковъ.

Толстой гнѣвался и волновался около этихъ недостатковъ духовенства. Около его безчувственности къ слову, къ укору. И волненіе, развиваясь дальше,—выразилось въ рѣзкомъ осужденіи русскихъ *пышныхъ* церковныхъ службъ, *пышныхъ* облаченій, и присущаго духовенству значительнаго *властолюбія* и *честолюбія*. «Къ чему все это, когда вы не выучили народъ даже воздерживаться отъ водки».

* * *

Конечно, Толстой былъ правъ здѣсь. Но *мелкою правдою*. Есть въ міровыхъ и историческихъ вещахъ крупная правда и мелкая правда. Перикль украсилъ Аѳины великими созданіями архитектуры и скульптуры: и *истощилъ государственную казну* на это. Аѳиняне бросились на него съ жестокими упреками, и едва онъ самъ не принужденъ былъ пойти въ изгнаніе. Онъ спасся только, сказавъ: «Хорошо, граждане,—расходы на статуи и храмы я приму на свой личный счетъ; но зато на нихъ сотру надпись: *воздвигъ аѳинскій демосъ*, и выставлю подпись: *это сдѣлалъ для города Аѳинъ Перикль*», Аѳиняне взволновались и оставили прежнія надписи, но приняли на себя и расходы, т. е. увеличеніе налоговъ. Другой примѣръ: Сципіонъ Африканскій спасъ

Римъ, побѣдивъ Аннибала; но на походъ въ Африку истратилъ очень много денегъ, и, главное, не записаль всѣхъ расходовъ и не могъ дать отчета. Народъ, подговоренный агитаторами, въ шумномъ собраніи потребовалъ у него отчета. Молча онъ взглянулъ на неблагодарныхъ гражданъ и сказалъ: «Сегодня годовщина битвы при Замѣ (гдѣ онъ разбилъ Аннибала): я иду въ Капитолій принести благодарность богамъ. Кто хочетъ—пусть слѣдуетъ за мною». Впечатлительный народъ подъ обаяніемъ благороднаго слова кинулся за нимъ въ Капитолій, покинувъ клеветниковъ. Въ обоихъ случаяхъ народъ, *требуя отчета въ деньгахъ*, — былъ, разумѣется, правъ. Но онъ былъ *мелочно правъ*: и отъ того вообще неправъ. Въ такую неправоту впалъ и Толстой.

Онъ не понялъ или, лучше сказать, *просмотрѣлъ* великую задачу, надъ которою трудились духовенство и Церковь девятьсотъ лѣтъ,—усиливалось и было чутко и умѣло здѣсь, и этой задачи дѣйствительно чудесно достигло. Это—выработка *святого человека*, выработка самого типа *святости*, *стиля святости*; и—*благочестивой жизни*.

Конечно, если бы русскій народъ ограничивался представленіемъ, что убить не такъ грѣшно, какъ съѣсть мяса въ постный день,—то въ Россіи не было бы возможно вообще никакому человѣку жить, самъ народъ давно погибъ бы въ порокахъ, и Россія какъ государство и нація развалилась бы. Но *чѣмъ-то* она держится. Чѣмъ? Тѣмъ, что отъ старика до ребенка 10-ти лѣтъ извѣстно всѣмъ, что такое «святой православный человѣкъ»; тѣмъ, что каждый русскій знаетъ, что «такіе святые — есть, не переведутся и не переводились»; и что *въ совѣсти своей*, которая есть непременно у каждаго человѣка, всѣ

русскіе вообще и каждый въ отдѣльности тревожится этимъ образомъ «святого человѣка», страдаетъ о своемъ отступленіи отъ этого идеала, и всегда усиливается вернуться къ нему, достигнуть его; достигнуть хотя-бы частично и не надолго.

«Святой человѣкъ» или «Божій человѣкъ» есть образъ, именно художественный образъ (а не понятіе), совершенно неизвѣстный Западной Европѣ и не выработанный ни одною Церковью,—ни католицизмомъ, ни протестантизмомъ.

Онъ заключается въ полномъ и совершенномъ отлученіи себя отъ всякаго своекорыстія; не говоря о деньгахъ и имуществѣ, даже вообще о собственности,—это отреченіе простирается и на славу, на уваженіе другими, на почётъ и извѣстность. «Святой человѣкъ» погружается въ совершенную тишину безмолвной, глубоко внутренней жизни: но не пассивной и бездѣятельной, а глубоко напряженной. Усиліе направляется на искорененіе въ себѣ всякихъ «нечистыхъ помысловъ», т. е. на искорененіе самыхъ *мыслей* и *желаній*, связанныхъ съ богатствомъ, знатностью, женщинами, шумомъ городовъ и базаровъ. Но это—только отрицательная половина дѣла, которая была бы неисполнима безъ положительной: что же наполнило бы душу, опустѣвшую отъ «нечистыхъ помысловъ»? Свобода отъ «нечистыхъ помысловъ» есть только выметенная горница для пріятія какаго-то гостя. Этотъ «гость», въ нее входящій, есть Богъ. Но не «Богъ» какъ понятіе, не «Богъ», какъ религіозная истина: а Живое Лицо Его, Живое Его Существо, наполняющее душу такого «русскаго праведника», «русскаго юродиваго», «русскаго святого» неописуемымъ восторгомъ и счастьемъ. Но—не это одно, хотя это—главное. Русскій не остается съ этимъ. Иногда

онъ на десять лѣтъ уходитъ въ лѣсъ, выкапываетъ себѣ пещеру, строить себѣ шалашъ, и въ немъ живетъ, на голодѣ и холодѣ и въ полномъ безмолвіи, чтобы «сподобиться узрѣть Бога», «почувствовать Бога»... Онъ непрерывно молится: и молитва русскаго человѣка есть опять душевный феноменъ, мало извѣстный или вовсе не извѣстный у другихъ народовъ. Этого ни описать, ни выразить нельзя, это нужно тайно подсмотрѣть или случайно услышать. Вся молитва сплетается изъ глубокаго сознанія своей грѣховности, своего ничтожества, изъ совершенной примиренности души со всѣми людьми, видѣнными и которыхъ не видѣлъ онъ, изъ жажды Божіей помощи, изъ надежды на Божію помощь, изъ вѣры въ чудо и чудесную Божію помощь. Душа такого человѣка, за 5—10 лѣтъ, прошла страшныя отреченія и полна страшной жажды. И «по вѣрѣ» дается: онъ «чувствуетъ Бога около себя», въ своей пещерѣ, шалашѣ, въ кельѣ; больше-же всего конечно въ душѣ и пылающемъ сердцѣ. И вотъ онъ закалѣнъ: закалѣнъ отъ «искушеній», соблазновъ, отъ влеченія къ пустотѣ и ничтожеству міра. Но «русскій святой» не бываетъ безъ великой любви ко всѣмъ людямъ. «Русскій святой» есть глубоко *народный святой*. Тогда онъ выходитъ изъ своего уединенія и безмолвія: и одни изъ такихъ людей дѣлаются «странниками», т. е. переходятъ изъ мѣста въ мѣсто, странствуютъ по всей Россіи, идутъ въ знаменитые величіемъ и древнею славой монастыри Россіи, Греціи, Палестины. Или, чаще, поселяются гдѣ-нибудь *по близости* къ монастырю (но никогда почти въ самомъ монастырѣ), и бесѣдуютъ съ тѣми людьми, которые къ нимъ приходятъ искать утѣшенія и совѣта въ несчастіи жизни, въ потерѣ ближнихъ, смерти жены или мужа, смерти дѣтей, въ брошенности мужемъ или

возлюбленнымъ, въ разореніи, притѣсненіяхъ отъ людей и власти. Наконецъ приходятъ люди, запутавшіеся со своимъ умомъ и совѣстью; приходитъ убійца, приходитъ богачъ, кающійся въ дурныхъ способахъ пріобрѣтенія богатства. Приходятъ всѣ «труждающіеся и обремененные», о которыхъ училъ Спаситель, что Онъ «пришелъ исцѣлить ихъ». Приходятъ, наконецъ, неисцѣлимо больные тѣломъ, чтобы онъ о болѣзни ихъ «попросилъ Бога». Шалашъ или келья такого «святого» бываютъ окружены массою народа: и проходя среди его, «святой», по взгляду на лицо уже узнавъ, чѣмъ (приблизительно) томится пришедшій, дотрагивается до него рукою, водитъ его къ себѣ въ келью или какъ-нибудь уединяется, и бесѣдуетъ, спрашиваетъ, совѣтуетъ. Такому «святому», по общему народному убѣжденію, нельзя солгать, какъ и нельзя, «грѣхъ», чтонибудь ему не досказать. Такимъ образомъ передъ нимъ раскрывается вся душа и вся жизнь пришедшаго за помощью человѣка. И какъ за годъ онъ переговоритъ такимъ образомъ съ нѣсколькими тысячами людей, а за много лѣтъ со многими десятками тысячъ человѣкъ, то душа и духовный взоръ и духовный разумъ такого «святого» до того изощряется и утончается въ постиженіи природы человѣческой и всѣхъ колебаній жизни человѣческой, что онъ становится—какъ народъ называетъ—«прозорливымъ», т. е. онъ прозираетъ до самаго дна душу человѣческую, видитъ эту душу въ самомъ трепетѣ, въ самыхъ потаенныхъ волненіяхъ, въ самыхъ скрытыхъ поползновеніяхъ и слабостяхъ; и въ то же время онъ видитъ въ этой душѣ лучшія возможности, находитъ такія силы, которыхъ самъ пришедшій въ себѣ не сознавалъ; наконецъ, одушевляетъ и укрѣпляетъ къ лучшей новой жизни своимъ святымъ одушевленіемъ. Онъ не про-

сто *совѣтуетъ*, а *повелѣваетъ* пришедшему человѣку сдѣлать то-то и то-то, всегда въ глубочайшемъ соотвѣтствіи съ силами и способностями человѣка, никогда ее рѣзко не насилуя и не ломая. Очень нуждающимся, сиротамъ, вдовамъ, онъ помогаетъ деньгами,—изъ тѣхъ, которыя приносятъ «въ даръ» ему другіе. Толстой любилъ посѣщать такихъ «святыхъ», ибо зрѣлище народное нигдѣ такъ не открывается, какъ около жилищъ такихъ «святыхъ». Одинъ такой русскій отшельникъ далъ ему сюжетъ для разсказа «Три старца»: онъ въ немъ только нѣсколько переиначилъ случай, котораго случайно былъ зрителемъ. Именно,—Толстой разъ видѣлъ, какъ такой «старецъ», уже окончивъ бесѣду съ народомъ, шелъ къ кельѣ, а люди все бѣжали около него, и онъ отъ этого еще болѣе изнемогалъ. Вотъ одинъ изъ такихъ «бѣгущихъ» схватилъ его за край одежды. Старецъ къ нему обернулся.—«Что тебѣ?»—«Какъ спастись?»—Старецъ, совсѣмъ изнеможенный, въ силахъ былъ только проговорить:—«Да сколько васъ въ дому?»—«Трое»,—отвѣтилъ пристававшій. Тогда, остановясь и задыхаясь, старецъ сказалъ:—«Ну, такъ и *спасайтесь*, молясь: *три васъ, три насъ—спаси насъ*». Такъ мнѣ разсказывалъ самъ Толстой. Достоевскій въ романѣ «Братья Карамзовы» вывелъ въ лицѣ старца Зосимы іеросхимонаха Амвросія, изъ той Оптиной пустыни, куда передъ смертью поѣхалъ изъ Ясной Поляны гр. Толстой. Здѣсь же у отца Амвросія бывали лучшіе русскіе философы, Страховъ и Соловьевъ; первый былъ не только философомъ, но и превосходнымъ ученымъ по физиологіи и физикѣ. Къ старцу Амвросію (онъ умеръ лѣтъ 18 назадъ) пріѣзжали и купцы-милліонеры, и придворные лица, дворяне, военные и послѣдніе бѣдняки и убогіе. И онъ совершенно одинаково

говорилъ со всѣми. Такимъ образомъ, подобный «святой» есть собственно «исцѣлитель» болящей душою Россіи и болящей въ жизни Россіи,—иногда на свою небольшую мѣстность, иногда на нѣсколько губерній, иногда даже на всю нашу землю. Послѣднее было со священникомъ города Кронштадта, Иоанномъ.

Но это — завершенный образъ «святого». Однако, *приближенія* къ нему крупницами разсѣяны во всемъ народѣ; или—рѣдкій русскій человѣкъ не переживаетъ порывовъ къ этой святости, хотя недолгихъ и обрывающихся. Вотъ этою стороною своей нравственной или, вѣрнѣе, своей духовной жизни и живетъ русскій народъ, ею онъ крѣпокъ, черезъ нее встаетъ изо всякихъ бѣдъ. Русскій народъ никогда не отчаивается, всегда надѣется. Параллельно съ грубостью, лѣнью, пьянствомъ, пороками, но въ другомъ направленіи, идетъ другая волна—подъема, раскаянія, порывовъ къ идеалу. И это въ простомъ народѣ еще сильнѣе и распространеннѣе, чѣмъ въ образованныхъ классахъ.

Но этотъ «святой человѣкъ» данъ Церковью, церковнымъ духомъ, церковною исторіею. Молитвы, присущія нашей Церкви, которыя непрерывно народъ слышитъ въ храмахъ, полны совершенно особеннаго духовнаго настроенія и жизненнаго пониманія. Это духовное настроеніе полно нѣжности, деликатности, глубокаго участія къ людямъ, глубокой всемірности... Въ храмѣ постоянно слышатся молитвы «о всѣхъ людяхъ» (не объ однихъ православныхъ, не только о своей Православной Церкви), о «примиреніи всѣхъ людей» (между прочимъ—о примиреніи «всѣхъ Церквей»); о томъ, чтобы Богъ укрѣпилъ въ людяхъ кротость, прощеніе обиды; вмѣстѣ съ тѣмъ въ храмѣ упоминаются съ молитвою о помощи «всѣ теперь болящіе», всѣ «путешествующіе»;

священникъ вслухъ молится, чтобы Богъ помогъ присутствующимъ «подавить свой гнѣвъ», «не осуждать своего ближняго», «видѣть собственные недостатки»; чтобы Богъ помогъ каждому «разсѣять свое печальное настроеніе». Есть ежедневная молитва о томъ, чтобы Богъ каждому присутствующему послалъ въ свое время «безболѣзненную кончину» и «образъ христіанской смерти». Вмѣстѣ съ тѣмъ Церковь молится о плодородіи земли, о «мирѣ всего міра», о «благораствореніи воздуха», т. е. о хорошей погодѣ для урожая, овощей и плодовъ. Все это очень *народно* и очень *жизненно*: храмовая служба наша обнимаетъ мелкое и великое жизни человѣческой во всѣхъ ея подробностяхъ, въ высшей степени понятныхъ и въ высшей степени нужныхъ каждому. Отсюда истекаетъ народный и любимый характеръ церковной службы. Не зная церковной службы, совершенно нельзя понять, что такое русскій народъ и какъ онъ произошелъ. Если-бы уничтожить церковную службу и разрушить дѣйствіе ея на душу народную и на бытъ народный,—Россія немедленно дезорганизовалась-бы, пришла въ хаосъ и пала. Храмъ вполнѣ замѣняетъ для нашего народа гимназію, школу, университетъ, книгу и науку. Этого нельзя понять, не зная универсальности нашей храмовой службы и того, что она вся выражена поэтично, вдохновенно. Ея музыкальная сторона, заключающаяся въ повышеніяхъ и пониженіяхъ голоса произносящаго молитвы, въ напѣвахъ молитвъ—удивительна. Такимъ образомъ она не только просвѣщаетъ народъ извѣстными истинами, но и постоянно зоветъ его къ идеалу, притомъ къ идеалу жизненному, простому, достижимому, практическому, трезвому и багородному.

* * *

Вотъ великій «Акрополь» русскаго народа; его «побѣда надъ Аннибаломъ»... Здѣсь таится такъ много сокровищъ, что въ виду ихъ совершенно невозможно было подымать тѣхъ споровъ съ *богословіемъ* Церкви, т. е. съ *книжными теоріями* о Церкви, которые началъ Толстой. Пусть былъ-бы во всемъ правъ Толстой, и «русское богословіе» подъ его критикою превратилось-бы въ развалины. Это ничего рѣшительно не затронуло-бы. И «русскій святой», съ помощью всему слабому и болящему въ народѣ, остался бы попрежнему все также нуженъ и полезенъ народу, также святъ и прекрасенъ въ своемъ образѣ; и «даруй, Господи, миръ всему міру, соедини всѣхъ вѣрующихъ вмѣстѣ, уничтожь разладъ ихъ сердець, дай намъ всѣмъ кончину жизни свѣтлую, совѣстливую и безболѣзненную»—все это осталось-бы истиною, все это останется прекраснымъ и глубокимъ. Толстой былъ очень похожъ, въ своихъ богословскихъ трудахъ, на медвѣдя, который,—желая согнать муху съ лица своего заснуваго друга-человѣка, — поднйль-бы противъ этой мухи камень, который можетъ убить самого человѣка.

Въ этомъ онъ былъ неправъ и безсиленъ. Въ Россіи, въ образованныхъ классахъ, очень развитъ полный атеизмъ: атеисты шумно привѣтствовали его критику, воображая, что она что-то разрушаетъ. Наконецъ, ей очень обрадовались тѣснимые правительствомъ сектанты, такъ какъ эта критика удовлетворяла ихъ чувству вражды къ Церкви. Но на нее совершенно не обратила никакого вниманія вся масса серьезно образованнаго русскаго общества, которая знаетъ существо своей Церкви и знаетъ ея корни.

* * *

Еще о послѣднихъ, объ этихъ «корняхъ»... Толстой учился въ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ, притомъ, по собственному воспоминанію,—учился плохо и небрежно. Хотя онъ потомъ всю жизнь очень много читаль и изучаль, но это не могло замѣнить университетскихъ лекцій по исторіи. Дѣло въ томъ, что никакая книга не содержитъ въ себѣ *интонаціи* живого голоса живого человѣка и не содержитъ «отступленій въ сторону», оговорокъ и замѣчаній,—которыя профессоръ сопровождаетъ чтеніе въ аудиторіи. Наконецъ, ни въ какую книгу нельзя уложить и ни въ какой ученой формѣ нельзя выразить тѣхъ частныхъ бесѣдъ, бесѣдъ мелькающихъ, обрывающихся, недоконченныхъ, которыя студентъ, заинтересованный наукою, можетъ имѣть съ профессоромъ у него на дому, или идя по коридору изъ аудиторіи. Вѣдь часто афоризмъ скажетъ больше, чѣмъ разсужденіе; насмѣшка, сарказмъ живого человѣка, или его восхищеніе, выраженное въ блескѣ глазъ и вибраціи голоса,—скажутъ больше, чѣмъ печатныя строки съ печатнымъ знакомъ восклицанія. Словомъ, книга всегда «безъ штриховъ»; и въ книгѣ говоритъ ученый «безъ тона»; а «тонъ дѣлаетъ музыку»: и Толстой зналъ исторію вотъ именно «безъ музыки». Т. е. въ сущности онъ ее вовсе не зналъ, иначе какъ скелетно и въ однихъ фактахъ. Духа ея не зналъ, аромата ея не обонялъ. Только ученый, уже всю жизнь посвятившій на изученіе эпохи перехода античнаго міра въ новый христіанскій, могъ бы въ четыре года университетскаго курса дать почувствовать Толстому такія тайны античныхъ чувствъ, такія тайны противоположныхъ христіанскихъ чувствъ, могъ-бы передать такую

непостижимость древней смерти и новаго воскресенія, какіе по-истинѣ уловимы для голоса и уха и неуловимы для бумаги и чтенія. Толстой былъ просто необразованъ въ этой области. Какъ ни великъ его геній, какъ ни глубоко и всемірно его сердце, онъ понялъ бы, что всетаки это есть *личнѣй* геній, *личное* сердце, что черезъ голову его проходятъ *личныя* мысли, сегодня *однѣ* и завтра—*другія*: и все это только омываетъ подножіе того гигантскаго горнаго хребта, какой являетъ собою *исторія* въ безчисленныхъ *пластахъ* ея, *твердыняхъ* и *неисповѣдимостяхъ*. Какъ малъ Шекспиръ передъ англійскою исторіею! Можетъ быть, онъ геніальнѣе всякаго англичанина: но *всѣ-то* англичане, весь англійскій народъ, всѣ поколѣнія этого народа такъ велики, мудры, поэтичны, что Шекспиръ всетаки является среди его какъ Монбланъ среди Альпъ. Онъ *выше* всѣхъ: но Альпы неизмѣримо *больше* его... То-же и Толстой въ религіозной критикѣ Православія: въ одеждѣ мужичка и странника, *подражая русскому мужику и страннику*—онъ входилъ въ толпу народную, гдѣ-нибудь около монастыря. И онъ *тонулъ* въ ней, исчезалъ, становился невидимъ. Это—*физически*, но *также и духовно*. Онъ вдругъ дѣйствительно перестаетъ быть «великимъ» среди этого народа, болящаго всѣми язвами человѣческими и мучающагося всѣми человѣческими сомнѣніями. Народъ, простая обыкновенная толпа въ тысячу человѣкъ, но измученная и религіозно взволнованная, поднятая религіозно молитвой, надеждой, страхомъ, отчаяніемъ, принесеннымъ сюда изъ домовъ своихъ,—она религіозно была... не выше, но массивнѣе, серьезнѣе, страшнѣе всѣхъ ученій Толстого о «непротивленіи-ли злу», или какихъ другихъ, все равно. Народъ—гигантъ, всегда гигантъ. Исторія—еще большій гигантъ, колоссъ. И нельзя человѣку, никогда

нельзя подходить къ этимъ величинамъ иначе, чѣмъ съ желаніемъ вникнуть сюда, уважать это, любить это ..

Море всегда больше пловца... Оно больше Колумба, мудрѣе и поэтичнѣе его. И хорошо, конечно, что оно «позволило» Колумбу переплыть себя; но могло бы и «не дозволить». Природа всегда болѣе неисповѣдимая тайна, чѣмъ разумъ человѣческій. Толстой — былъ разумъ. А исторія и Церковь — это природа.

*Окончена печатаніємъ 20 септября 1911 года въ типографіи
А. С. Суворина.*

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ

СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

В. В. РОЗАНОВА:

- Библейская поэзія. Спб. 1912 г. Цѣна 50 коп.
- Темный Ликъ. Метафизика христіанства. Спб. 1911 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Спб. 1911 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Русская Церковь. Духъ. Судьба. Ничтожество и очарованіе. Главный вопросъ. Спб. 1909 г. Цѣна 40 к. (По отпечатаніи подверглась аресту и была освобождена отъ него по приговору С.-Петербургской судебной палаты въ 1911 г.)
- Тоже. Переводъ на нѣмецкій языкъ. (Въ сборникъ „Russen ueber Russland“). Франкфуртъ на Майнѣ.
- Тоже. Переводъ на итальянскій языкъ. Миланъ.
- Тоже. Переводъ на французскій языкъ Zimont St.-Jean et Denis Roche. Paris. 1911 г.
- Около церковныхъ стѣнъ. Два тома. Спб. 1906 г. Цѣна каждого тома 2 р.
- Въ мірѣ неяснаго и не рѣшенаго. Изд. 2-ое. Спб. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Семейный вопросъ въ Россіи. Два тома. Спб. 1903 г. Цѣна 4 р. 50 к.
- Ослабнувшій фетишь. Психологическія основы русской революціи. Спб. 1906 г. Цѣна 20 к.
- Когда начальство ушло. Очеркъ русскихъ событій 1905—1906 гг. Цѣна 2 р.
- Итальянскія впечатлѣнія. Римъ.—Неаполитанскій заливъ.—Флоренція.—Венеція. Съ рис. Л. С. Бакста и тремя видами Пестума. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 3-е. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе П. П. Перцова. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р. (распродано).
- Природа и Исторія. Сборникъ статей. Изд. 2-ое П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. (распродано).
- Религія и Культура. Сборникъ статей. Изд. 2-ое П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 20 к. (распродано).
- Литературные очерки. Изданіе П. П. Перцова. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р. (распродано).
- О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки, какъ дѣльнаго знанія. Москва. 1886 г. Цѣна 5 р. (распродано).
- Мѣсто христіанства въ исторіи. Изд. 2-ое. Спб. 1903 г. Цѣна 20 к. (распродано).
- Мѣстото на христіанството въ исторіята. Отъ В. В. Розановъ. Прѣводъ на болгарскій языкъ отъ Русски подъ редакцията на Д. Божковъ. Библиотека «Духовна Пробуда». Пловдивъ. 1906 г.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ П. И. Митюрникова
(Спб., Литейный пр. д. 31, телеф. 90—12).

Цѣна 30 коп.

2007041656